

18+



Рассказы и сказки
о
странном и страшном
2

Анастасия Компанцева

**Рассказы и сказки
о странном и страшном – 2**

«Издательские решения»

Компанцева А.

Рассказы и сказки о странном и страшном – 2 / А. Компанцева —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-984626-6

**НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ,
ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ
ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН
И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ
ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.** «Добро пожаловать в нашу реальность! Здесь можно
почитать о мрачных монстрах и милых котиках, узнать о зловещих масках и
призраках прошлого. А еще читателей ждет совсем небольшой и локальный
апокалипсис. Но не стоит волноваться, все обязательно закончится хорошо.
Мы обещаем!» Организация "Meta Inc." запрещена на территории РФ.

ISBN 978-5-44-984626-6

© Компанцева А.
© Издательские решения

Содержание

Катерина Скобелева «Кикимора»	7
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Рассказы и сказки о странном и страшном – 2

**Катерина Скобелева
Анастасия Компанцева**

Яна Полей

Дарья Азовская

© Катерина Скобелева, 2020

© Анастасия Компанцева, 2020

© Яна Полей, 2020

© Дарья Азовская, 2020

ISBN 978-5-4498-4626-6 (т. 2)

ISBN 978-5-4498-4627-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero



«Кикимора» Катерины Скобелевой. Рисунок автора

Катерина Скобелева «Кикимора»

Хеппи-энд наступил быстро и неотвратимо. Все как-то очень удачно сложилось: практически сразу отыскан подходящий ресторан для банкета, и кольца были куплены без долгих раздумий – идеально сияющие на безымянных пальцах, и подошло первое же примеренное платье, хотя подружки предрекали, что придется побывать не в одном свадебном салоне, пока найдется что-нибудь пристойное.

Родственники с обеих сторон взялись помогать им и улаживать все проблемы. А на медовый месяц – то есть на две недели – он собирался увезти ее куда-то на Валдай.

Он. Злыдень. Егор Шаповалов.

Могла ли она представить, что когда-нибудь выйдет за него замуж?!

То есть... пожалуй, могла. До злополучной дискотеки. Кира и забыла за столько-то лет, что сначала, когда Егора перевели к ним в школу в шестом классе и она еще не успела узнать его как следует, он показался ей симпатичным.

Все вокруг говорили теперь, что они прекрасная пара. Со стороны их скоропостиженный роман со свадьбой в финале выглядел вполне обыденно. Подумаешь – амурная история с бывшим одноклассником. Всякое случается. Встретились два человека через пять лет после выпускного бала – взглянули друг на друга по-новому, да и влюбились.

Только Арина, которая сидела с Кирой за одной партой с первого класса и до сих пор не лишилась почетного звания лучшей подруги, отлично понимала, что все это **ОЧЕНЬ** странно, и удивлялась не меньше невесты. Даже не поверила сначала, когда Кира небрежно – а на самом деле с некоторым трепетом – сообщила ей, что встречается с Егором и в начале июня они собираются пожениться.

Некоторое время Ариша переваривала эту новость. И в конце концов с сомнением сказала:

– Ну, я еще понимаю – Злыдень... то есть, прости, Егор... он, конечно, мог неожиданно прозреть и все такое, увидеть, какая ты замечательная, и вспылать к тебе прямо-таки неземной страстью. Допустим, что все так и есть. Но ты-то сама, Кир, ты уверена, что действительно хочешь за него замуж?!

Кира с вызовом подтвердила, что таки да, хочет.

Следующие три месяца промелькнули чередой картинок в калейдоскопе – сплошные хлопоты: защита диплома, экзамены, приготовления к свадьбе опять же... Кира втайне радовалась каждой проблеме. Иначе все было бы *слишком* хорошо. *Подозрительно* хорошо. Она не могла отделаться от назойливой мысли, что неожиданно обретенное счастье – не настоящее, недолговечное, и душещипательная история любви вот-вот обернется каким-нибудь мерзким фарсом. Егор передумает, или с ним что-нибудь случится. С каждым днем ожидание катастрофы становилось все более невыносимым.

Наверное, все дело в том, что жизнь наладилась чересчур резко, ни с того ни с сего обернулась романтической сказкой, как будто вмиг развеялись какие-то злые чары. А в реальности так не бывает. Кира никогда не представляла себя героиней подобной сказки, да еще и со счастливым концом, и в роли Золушки, на которую почему-то соизволил обратить внимание прекрасный принц, чувствовала себя немножко неудобно. Словно этот образ был ей чуточку мал, как белые свадебные туфельки.

Впрочем, она была готова потерпеть.

День свадьбы изобилдовал событиями. С утра – визит в соседний салон красоты, куда подружки додумались записать ее заблаговременно. Там пришлось выдержать небольшое сражение: парикмахерша, у которой были свои представления о прекрасном, собиралась накрутить на голове у Киры какие-то букли, но эти попытки были резко пресечены, и прическа получилась вполне приличная.

Потом – сложная церемония облачения в свадебное платье, в постоянном страхе, как бы не повредить эту самую прическу. Беготня по комнатам в попытках отыскать коробку с туфлями. Крики: «Дайте мне шпильку кто-нибудь!» – потому что все-таки пришлось закреплять один выбившийся локон.

И наконец – временное затишье в ожидании жениха.

Легкий ажиотаж, переходящий в истерику, немножко поутих, все замерли в разных концах квартиры. Родители шептались на кухне. Оля и Юля устало развалились на диване, зевая и обмениваясь ничего не значащими репликами. Арина сидела на подоконнике, высматривая, не едет ли жених. Она нацепила красную ленточку поперек груди – как перевязь, дабы все видели, что именно она – подружка невесты.

Егор сильно опаздывал. Очень сильно. Им уже надо было отправляться в загс, а он все не ехал. И вдруг Кира подумала: «А что если он не придет совсем?» И все это – просто очередной жестокий прикол? Что если он просто... пошутил? Он мог. Кира знала, он мог.

И в этот момент, когда сердце оборвалось куда-то вниз, болтаясь на тонкой ниточке, Ариша крикнула: «Вон, вон его машина внизу! Готовьтесь все! Невесту прячем». И ее подхватили под руки и затолкали в гостиную, и закрыли дверь, и все беспокойно заметались по квартире... Сердце дернулось еще несколько раз и снова застучало в привычном ритме.

Все эти сложности с выкупом невесты были не ее затеей. Родители и друзья почему-то решили, что так положено. Традиция. Обряд.

Она слышала звонок в дверь и препирательства на пороге: родители и три подружки радостно повторяли, что невесту ни в коем случае не отдадут, слишком уж хороша, друзья Егора что-то им возражали и нахваливали жениха, а он сам – Кира, подслушивая под дверь гостиной, узнала его голос – устало твердил, что они опоздают в загс, надо приехать туда к одиннадцати – и, может, обойтись без этих формальностей? Но поборники старинных обычаев упорствовали, и, наверное, жених с друзьями все-таки раскошелились, потому что голоса переместились в коридор, дверь распахнулась, и перед Кирой возникли розы цвета запекшейся крови, а над ними – лицо Егора со слегка вымученной улыбкой.

Розы у невесты немедленно отобрали, чтобы затолкать в какую-то подходящую к случаю хрустальную вазу. Кира не успела даже вдохнуть их аромат – только уколоться об один из шипов.

– Ну что, поехали? – спросил Егор.

И вся компания сорвалась в загс, снова началась беготня, родители спорили, кто запирает дверь, когда все уже стояли у лифта. Внизу обнаружили еще двое Егоровых товарищей – их Кира даже не видела никогда. Ариша начала с ними кокетничать, но тут спустились Кирины родители и закричали, что некогда, некогда, пора ехать, хотя это они всех задерживали. Егора вместе с Кирой запихали в арендованный лимузин, остальные в спешке рассредоточились по своим машинам.

Пока вся эта кавалькада вырливалась к загсу, Кира немножко обеспокоено поглядывала на будущего мужа. Ей показалось, что у него какое-то слишком мрачное, сосредоточенное выражение лица. Хотя нет, наверное, не показалось, но это и не удивительно: в конце концов, хлопот перед свадьбой все-таки было немало, и в основном именно у него...

Ничего, еще немножко, еще один день перетерпеть – и они уедут. И целых две недели будут вдвоем, в этом домике где-то на Валдае. Егор рассказывал, что рядом есть озеро – глубокое, холодное. У берега совсем мелко, но всего два метра – и дно обрывается во тьму.

А еще там – сумрачные тропинки в еловом лесу. И колонии отцветших ландышей на обрывах. И соловьиные трели вместо радио и телевизора.

Все будет хорошо, обязательно будет. Постепенно она научится ему доверять.

Машина была совсем новенькая. Егор не любил рассказывать, что случилось с предыдущей, хотя его периодически кто-нибудь да спрашивал.

Кира украдкой, из-под прищуренных век, наблюдала, как он уверенно и небрежно выкручивает руль на поворотах, какие сильные у него руки. Этот человек точно знает, чего хочет от жизни – и каким образом получить желаемое.

Им навстречу мчалась бесконечная серая дорога. Вчерашние хлопоты вспоминались как прошлогодний сон. Унылый загс с увядающими пальмочками в кадках, очередь как в поликлинике, только из невест, шампанское из пластиковых стаканчиков. Ариша носилась с фотоаппаратом, требовала, чтобы все улыбались.

И еще банкет...

Они оба устали, и ближе к утру Кира, подправляя макияж перед зеркалом в дамской комнате, видела в своих глазах только желание упасть где-нибудь и уснуть. «Представляю, какие получатся фотографии», – вздохнула она про себя, когда в банкетном зале Ариша в очередной раз подскочила к ней со своей камерой, но ужасаться уже не было сил.

В крайнем случае цифровые фото всегда можно стереть.

Кира зевнула и прикрыла рот ладошкой. Первая брачная ночь по сути таковой не являлась. Никакого интима. Целомудренные усталые поцелуи под нестройные вопли: «Горько!» – не в счет.

Впрочем... гм... формально у них уже была первая ночь, хоть и не брачная. И вторая, и третья...

Кира повозилась на сиденье, устраиваясь поудобнее, и улыбнулась в блаженной полудреме. Недолго и сбиться со счета.

По обочинам дороги плясали в листве солнечные зайчики, мелькали серые деревенские заборы. Она сама не заметила, как уснула...

Темный зал, только сполохи света под потолком. И все смотрят, и все знают про нее что-то нехорошее, постыдное, и шепчутся, и она уже поневоле начинает догадываться, ЧТО они говорят.

Она зажимает уши, но все равно слышит.

Кикимора.

Кикимора.

Зачем ты пришла?

Кира вздрогнула и открыла глаза – и не сразу поняла, где находится.

– Проснулась? – Егор не повернулся к ней, только глянул мельком, легонько коснулся плеча правой рукой – и снова сосредоточился на дороге.

– Долго я?..

– Да нет, минут двадцать дремала, наверное. Скоро уже будем на месте.

Кира кивнула. Отлично. А то шея затекла уже. И остальные части тела тоже. Поудобнее пристраивая голову, она попробовала повернуться так и этак, но поняла, что это бесполезно. Все равно уже не уснуть, хотя веки по-прежнему слипаются.

Почему сейчас, именно сейчас ей приснился этот дурацкий, вечный кошмар?! Почему ей не снится, как Арише, экзамен по математике? Она готова была бы просыпаться в холодном поту – с ужасной мыслью, что перепутала синус и косинус, – и облегченно вздохнуть, прижимая щекой к подушке: все давно позади – какие еще синусы, какие косинусы?..

После СВОЕГО кошмара ей никогда не удавалось вздохнуть спокойно.

Потому что она знала: кошмар все еще продолжается.

Это ее жизнь.

А началось все с того, что в классе появился новенький. Сероглазый мальчик. Кира сразу поняла, что это человек с характером, только не догадалась, что с плохим. Он вел себя независимо, но не агрессивно и уважение мальчишек завоевал почти сразу.

На уроках Кира втайне наблюдала за ним, делая вид, что смотрит в окно: он сидел в крайнем ряду, а она – в среднем. Едва Егор поворачивался в ее сторону, как она испуганно опускала взгляд. Никто не знал, что новенький занимает все ее мысли. Только Ариша. В общем-то, неудивительно, что она догадалась: все Кирины тетради были исписаны именем «Егор».

Под Новый год в школе устроили дискотеку – в актовом зале. Кира пришла вместе с Ариной. Егор тоже там был, вместе с несколькими мальчишками-одноклассниками, но никто из них не танцевал. Они подпирали стену в углу и, наверное, обсуждали девчонок. Кира делала вид, что ее совсем не интересует эта компания. А сводница Арина толкала в бок: «Пригласи его на медляк! Ну же, пригласи! Ты ведь хочешь. А если он откажется – тоже ничего страшного. Подумаешь! Зато сразу будет понятно, нравишься ты ему или нет». Тут как раз заиграла какая-то романтическая музыка, и Ариша жарко зашептала на ухо: «Сейчас! Давай же, действуй!»

И вот она прошла через весь зал на ватных ногах – ей казалось, что все смотрят! – и остановилась перед ним, и сказала, запинаясь:

– Может, пойдем потанцуем?

...А он только посмотрел на нее, ухмыльнулся и бросил:

– Кикимора!

Парни у него за спиной заржали: «Ага, Кира-кикимора, точно!» Несколько секунд она стояла неподвижно, как вколоченный в землю столб, и не знала, что сказать в ответ. Потом развернулась и пошла прочь.

Если прежде одноклассники ее просто не замечали, то с этого момента началась травля. То есть, конечно, все было не так уж страшно. Подумаешь, прицепилось дурацкое прозвище. Подумаешь, Егор вместе с другими мальчишками не давал ей прохода. И вообще, в старших классах, когда она научилась просто не обращать внимания на его издевательства, он как-то поостыл, и все остальные тоже от нее отстали.

Ничего особенного, обычная школьная история. Мало ли на свете некрасивых девочек. Мало ли придурков, которые их дразнят. Еще неизвестно, что будет с ними потом, как жизнь обернется. Наверное, не стоило принимать все это близко к сердцу. Но Кира просто не могла понять: ПОЧЕМУ? Почему он тогда не мог просто сказать: «Нет?» Что она ему сделала?

Мама говорила: «Наверное, он в тебя влюблен. Ты ведь знаешь, мальчишки дергают девчонок за косички, чтобы их просто-напросто заметили».

Неправда. Егору не нужны были никакие уловки. Она уже обратила на него внимание и подошла первой, ужасаясь своей смелости, подготавливая себя к тому, что Егор, конечно же, откажется танцевать с ней. Наивная. Все вышло еще хуже, чем она могла представить.

По вечерам Кира долго смотрелась в зеркало и видела себя глазами Егора: маленькая, худенькая, точно куколка – только не Барби, совсем не Барби. Ручки-палочки, заостренные черты лица, тонкие, плотно сжатые губы и нахмуренные брови.

– Зато тебя глаза красивые, – успокаивала Ариша. – Очень-очень красивые, правда. Русалочки.

– Ну да, – обреченно вздыхала Кира. – Только не русалочки, а кикимористые.

Ей хотелось, чтобы кто-то спорил с ней, доказывал, что по-своему она очень даже симпатичная. Но у простодушной Ариши, не способной толком слукавить, все утешения начинались со слова «зато».

Зато глаза... зато волосы...

А все остальное, значит, действительно страшненькое?

В итоге Кира вынесла из школы не только средненький аттестат – четверки пополам с пятерками, но и стойкий комплекс неполноценности. Плюс недоверчивое отношение к людям. Теперь она всегда была настороже и знала, что не стоит открывать кому-то душу, идти навстречу, первой протягивать руку. Нет-нет, мы уже на этом обожглись, хватит.

Не то чтобы она стала совсем уж замкнутой букой... Но близко к тому.

На первую встречу выпускников после окончания школы Кира отправилась с некоторой опаской. Точнее, с превеликим сомнением: насколько она хочет видеть всех этих людей? С Ариной, единственной школьной подругой, она и так продолжала общаться, а остальные ей зачем? Но все-таки она пошла. Из любопытства, что ли? Из стремления пощекотать себе нервы?

Она заранее готовила себя к тому, что увидит Егора. Конечно же, он придет. Как же без него... Он ведь постепенно стал лидером в классе, чего, собственно, добивался с самого начала. Пацаны его уважали, а девчонки обожали, каждый год подкидывали ему ворох записочек на день святого Валентина. Но Егор, естественно, не собирался встречаться с кем попало. Нужна была девушка ему под стать, и он выбрал надменную, стильную Вику из параллельного класса. Вот она как раз чем-то напоминала Барби, в отличие от Киры. Длинные загорелые ноги, блондинистые волосы, точеный профиль... Кире даже не приходило в голову завидовать ей, настолько она была идеальна.

Эту барышню Егору пришлось завоевывать, но много усилий не понадобилось. Вика тоже быстро поняла, как замечательно они с Егором смотрятся вместе. Кира потом часто перебирала фотографии с выпускного бала, распечатанные Ариной. Егор и Вика всегда почему-то оказывались на первом плане, радостные такие, смеющиеся. Красивая пара, ничего не скажешь.

А Кира с вымученной улыбкой стояла где-то сбоку. Вроде и в кадре, а все равно лишняя.

И вот теперь – увидеть эту парочку снова? То-то счастье!

По дороге к школе Кира твердила, как заклинание: успокойся, они ведь не имеют к тебе никакого отношения. Да и раньше не имели. Что ты так переживешь?

И правда, нервничала она совершенно напрасно: Егор и Вика не пришли. Кира не могла решить, облегчение ли она испытала или разочарование. Вообще, народу собралось мало – человек семь из всего класса. Видимо, еще никто не испытывал особой ностальгии по школьным годам, а хвастать перед бывшими товарищами тоже пока было нечем. Более того, вся немногочисленная компания в родное учебное заведение так и не попала, потому что на входе дежурил строгий охранник и не пускал посторонних. В итоге потрепались немного на крыльце о том о сем, да и разошлись.

Ну и ладно, сказала себе Кира. Это к лучшему. Это знак. Незачем растревлять старые раны, надо все забыть и жить дальше.

...Машину слегка подбросило на какой-то колдобине – и только тут Кира обратила внимание, что они свернули с шоссе и едут по тряской проселочной дороге. А это значит – уже недалеко.

Справа в прорехах между кустами и молодым ельником то и дело показывалось болотце с желтыми кувшинками. Вода в нем была такая черная, что ночью туда, наверное, боялась заглядывать луна.

Даже не верилось, что только сегодня утром они покинули Москву, что этот огромный город вообще где-то есть – там, позади. Миллионы людей сейчас толкаются в метро, возвращаясь с работы... Нет, невозможно представить. Слишком уж дикая, древняя чащоба с буреломами и стихийным переплетением ветвей простиралась вокруг.

Дом посреди этого бесконечного леса возник неожиданно, по крайней мере – для Киры. Он находился даже не в деревне – немножко на отшибе, в сосновой роще на холмистой косе, и казалось, что рядом вообще нет людского жилья. Так странно было вдруг увидеть его прямо перед собой! Ехали-ехали неведомо куда, потом резко свернули на заросшую травой колею – и вот он стоит, словно вырос только что на прогалине у самого озера. Совсем как хижина Бабы-яги. К ней, должно быть, тоже вела такая полузабытая тропинка. Только черепа не хватало над входом.

Егор, впрочем, был чужд подобных сказочно-жутковатеньких ассоциаций. Он-то знал, что дом строила не Баба-яга, а его собственная бабушка – ну, не своими руками, конечно, но идея принадлежала именно ей. Она как-то приехала отдыхать на турбазу неподалеку от здешних мест и решила: все, хочу тут жить. Собрала деньги со всего семейства, за сущие копейки выкупила участок земли, договорилась с бригадой строителей. В общем, развела бурную деятельность – никто от нее не ожидал. Изначально она нарисовала на бумажке расчудесный, четко продуманный план будущего фамильного гнезда, но строители по трагической случайности пустили его на самокрутки и достраивали здание по памяти. Память, как выяснилось, была у них не очень хорошая...

– Вот так и живем, – усмехнулся Егор, – строим планы, а потом они идут на самокрутки и превращаются в дым. Весело, да?

Дом и правда получился несколько бестолковым, с чередой проходных комнат, но светлым, не заставленным лишней мебелью («Да и как ее сюда завезешь? – отмахнулся Егор в ответ на робкий комплимент Киры) и в целом очень даже пригодным для жизни. Водопровод, электричество, исправные газовые баллоны – что еще нужно для комфорта?

– В деревне есть какой-нибудь магазин? – уточнила Кира. Они, конечно, захватили с собой и провизию на первое время, и кучу нужных вещей, но мало ли что еще может понадобиться.

– Нет, деревня-то маленькая, но туда раз в неделю приезжает автолавка. Машина с продуктами, всякой бытовой мелочевкой. Спички там, мыло, что-то в этом роде. Если чего-то нет, можно заказать, и тебе потом привезут.

Вот как. Шопинг, значит, только раз в неделю... И никаких изысков, только самое необходимое.

– Слушай, а здесь кто-то живет постоянно? В смысле – в этой деревне?

– Ну да. Шесть человек. Остальные дома пустые стоят, разваливаются потихоньку.

Кира, присев на крылечко, с минуту переваривала эту информацию, пока Егор выгружал из машины багаж. Потом переспросила:

– Ты говорил, бабушка одна сюда приезжала? И не боялась?

Егор обернулся к ней в недоумении, скривил губы:

– А чего бояться? Здесь никого постороннего нет, в такую-то глушь кто поедет? Из деревни – всех знаем. Нормальные люди. Да и немолодые уже, так что бабушка с ними как раз неплохо общалась. Налаживала нам соседские отношения.

Кира вообще-то подумала о другом – не о злоумышленниках, а о том, что делать, если вдруг... ну... случится что-нибудь. Мало ли. Она не хотела фантазировать дальше и перечислять в уме, что именно может произойти. Главное, что вокруг – никого. Лишь несколько «нормальных людей» пожилого возраста, до которых еще добежать надо. А скорая помощь, если получится вызвать ее по мобильному телефону, придет явно не сразу. Через час, может быть.

«Нет, нет, не надо думать об этом», – твердо сказала она себе. Еще накликаешь беду!

Егор полез куда-то в подвал включать электричество, а Кира тем временем прикорнула на диване в гостиной. Было так приятно, что кто-то может взять на себя все заботы и сказать: «А ты просто отдыхай»... Воздух в комнате чуть застоялся, как в антикварном магазине, но подниматься с мягких подушек, чтобы открыть окошко, совершенно не хотелось.

Мобильный, как ни странно, ловил слабенький сигнал, хотя Егор предупредил, что с этим могут быть проблемы, и Кира по-быстрому написала эсэмэски родителям и Арине. Мол, доехали, все в порядке. Бойкая Арина на свадьбе вовсю кокетничала с каким-то институтским другом Егора, Кира его прежде не видела. Мальчик был симпатичный – с ежиком светлых волос, в дорогом свитере – и, что немаловажно, так же заинтересованно поглядывал на Аришу. Надо будет спросить, как все сложилось. Интересно ведь. Но это не сегодня, потом. Сейчас Кире хотелось расслабиться, а не затевать долгий обмен сообщениями. Даже разбирать вещи было лень. Завтра, завтра, все завтра! В конце концов, у нее медовый месяц, можно хоть ненадолго предаться безделью и неге.

А ночью ей привиделся нехороший сон. Не тот, что обычно. Как будто Ариша перебирает напечатанные снимки с ее свадьбы, а она заглядывает подруге через плечо и тоже смотрит. Там ее родители, друзья... И Егор... А рядом с ним, как в фильмах ужасов, на каждой фотографии – какое-то нечеткое мутное пятно. Расплывчатая фигура. Призрак. Во сне Кира испуганно глядела на это создание, не в силах вымолвить ни слова, четко понимая, что от этой призрачной сущности исходит какая-то угроза для Егора. В панике она беззвучно повторяла: что это? Что это, что это?!

И внезапно едва не закричала от ужаса, осознав, что зловещий фантом – это она сама.

Кира лежала в полутьме, не совсем понимая, где она: еще во сне или уже нет? И кричала ли на самом деле? Наверное, не кричала: Егор продолжал спокойно спать. Она осторожно повернулась на бок и устроилась поудобнее, подложив руку под голову, чтобы можно было лежать и смотреть на него.

Он был такой теплый, живой, настоящий. Лицо – мечта скульптора. Эти черты интересно высекать из камня, лепить из глины: крупный нос с горбинкой, упрямо сдвинутые брови, рельефные скулы. Отдыхающий воин – сильный, мужественный и в то же время такой беззащитный сейчас. Ей казалось, что она слышит, как ровно и гулко бьется в груди его сердце.

Еще несколько месяцев Кира отлично представляла свою жизнь без него. Теперь – нет.

Началось все с того, что он включил ее в число своих друзей на сайте «Одноклассники», где она зарегистрировалась непонятно зачем. Просто потому, что в институте одно время буквально все пропадали в этой социальной сети и оживленно обсуждали друг с другом, кого из давних приятелей удалось там разыскать. Кира тоже нашла несколько школьных знакомых, из своего класса и из параллельного, обменялась с ними ничего не значащими фразами, но регулярная переписка не наладилась. Да, ей было чуточку любопытно, как у людей сложилась жизнь, но вот интересоваться этой самой жизнью изо дня в день как-то не входило в ее планы.

И вот – ни с того ни с сего – ей написал Егор. Точнее, прислал стандартное сообщение с предложением «дружить». Кира удивилась. Некоторое время разглядывала его фотографию на экране и водила мышкой между иконками «принять дружбу» и «отклонить». Потом щелкнула на «принять».

Прошло уже четыре года после выпускного. За это время она видела Егора только один раз, на вечере в честь юбилея школы. Он пришел тогда, слегка прихрамывая, пожимал парням руки, отмахивался от девчоночьих расспросов. На Киру взглянул мельком, бросил «Привет» – и все. Вика на празднестве не появилась.

Арина потом выведала у кого-то подробности, сказала, что автокатастрофа была жуткая, он остался жив чудом и полгода провалялся в больнице. Говорили, что он не встанет вовсе. Вика, естественно, быстро нашла ему достойную замену, она не собиралась ухаживать за инвалидом. Но он все-таки выкарабкался, хотя с ногой остались какие-то проблемы.

Кира жадно слушала все эти новости и к собственному ужасу чувствовала нечто похожее на злорадство. «Это не я. Я не могу так думать!» – в панике одергивала себя она, но ничего не могла с собой поделать. Ей хотелось знать, что у него все плохо. Что он страдает. Пусть, пусть!

И вот теперь они – друзья. Вроде как. Хотя, конечно же, она решила, что он добавил ее в число своих виртуальных товарищей исключительно «для галочки»: почти весь класс был у него в списке, для полноты не хватало лишь Киры да еще парочки ничем не примечательных личностей.

Но на этом история не закончилась. Егор сразу написал ей что-то вроде «Как дела? Давно не виделись!» – как будто специально караулил у компьютера, когда же она появится на сайте. Кира удивилась еще раз. С чего такое внимание? Что ему нужно?

Она удивилась бы еще больше, если бы в тот момент увидела себя месяц спустя – немного смущенную и растерянную, в интерьере собственной квартиры: свет приглушен, что-то бормочет радио, в руке у нее бокал с темным и терпким вином, и все это как-то подозрительно похоже на романтическое свидание, а совсем рядом – серьезное лицо Егора...

За четыре недели много чего может произойти. И неожиданная, бестолковая встреча нескольких одноклассников, наспех организованная Егором. И «давай я подвезу тебя до дома, ты ведь без машины?» Егор мог быть очень обаятельным, только до сих пор на Киру он своего очарования не тратил, а сейчас вдруг... Потом они вместе ходили на книжную ярмарку. Кира просто обмолвилась, что собирается туда, и Егор сказал, что тоже там будет. Естественно, она набрала два тяжелых пакета книг, и кто помог их тащить до самого дома? Пришлось пригласить его к себе, странно было бы не пригласить.

Несколько раз Кира ловила себя на мысли: «Что если бы вы познакомились не в школе, а теперь? Как бы ты к нему отнеслась, не зная, что он – Злыдень, что однажды на дискотеке он обозвал кикиморой одну некрасивую девчонку – не тебя, а кого-то еще?» Не исключено, что она влюбилась бы, причем совершенно по-девчоночьи, краснея от каждого взгляда и прикосновения, расслабленно тая от одного только звука негромкого голоса.

Это были, разумеется, всего лишь теоретические рассуждения. То есть она не думала, что это произойдет на самом деле. Снова. Во второй раз. Ведь все давно забыто! Она благополучно переболела безответной любовью к Егору, и теперь у нее иммунитет.

Кира была твердо уверена в этом до того мгновения, когда он взял ее за руку и стал легонько поглаживать тонкие пальцы, а в другой руке у нее дрогнул бокал с вином. Совсем скоро бокал пришлось и вовсе поставить на журнальный столик. Одновременно с этим в голове у Киры короткой телеграммой пронесся вопрос: что происходит? Зачем она позвала его – она, Кикимора?! Но у Егора были крепкие губы и коротко стриженные волосы на затылке, такие восхитительно нежные на ощупь, и все разумные мысли утратили значение.

Если бы это был другой человек, какой-нибудь симпатичный мальчик-однокурсник, возможно, она не потеряла бы голову, и дальше поцелуев дело бы не зашло, несмотря на отсутствие в квартире родителей и романтическую обстановку. Кира непременно начала бы комплексовать, лихорадочно соображая, как смотрится сейчас со стороны, и, конечно же, от страха и неуверенности в себе быстро прервала бы любовную сцену. Ей сложно было бы привыкнуть к мысли, что она может действительно кому-то нравиться и что этот кто-то не разочаруется однажды, увидев в ее внешности какой-то изъян – острые локти, плоскую грудь, да мало ли что еще.

Но Злыдень за много лет давно успел разглядеть все Кирины недостатки, и если уж он – он! – считал ее привлекательной, значит, она и правда была умопомрачительной и желанной, пусть и не идеальной.

Уже потом, на смятых простынях в спальне, после всплеска эмоций, она пережила миг неловкости и ужаса, когда подумала вдруг, что вот сейчас Егор просто уйдет. Или, того хуже,

скажет что-то оскорбительное, издевательское напоследок, оставит ее униженной и недоумевающей, как она вообще могла совершить такую невероятную глупость.

Но ничего подобного не произошло. И это было так странно и в то же время так естественно – молча лежать у него в объятиях, чувствовать, как щекочет шею его дыхание. Ни о чем не беспокоиться.

Это быстрое сближение – словно на шахматной доске кто-то стремительно придвинул одну пешку к другой, да так и оставил рядом – оказалось для Киры столь неожиданным и ошеломительным, что она предпочла даже не думать о том, правильно ли поступила. И уж тем более не строить никаких планов. Она просто жила от одной встречи до другой, хватала телефонную трубку, едва заслышав звонок.

«Егор!» – голос хрипнет и пропадает совсем некстати. Не Злыдень, а Егор. Ее первая любовь и по совместительству первый мужчина.

Она как будто нырнула обратно в колодец, из которого долго и отчаянно пыталась выкарабкаться.

Ни родители, ни друзья не знали о том, что у нее появился, скажем так, бойфренд, пока она не сообщила им чуточку смущенно, что Егор сделал ей предложение. Да, ее бывший одноклассник. Да, она согласилось. Мысль о том, что отныне они будут жить долго и счастливо – вместе! – до сих пор не укладывалась в голове, но все шло именно к этому.

Кира не могла понять и передать, как теперь относится к Егору. Слова ускользали, когда она тайком смотрела на него, как сейчас. В его присутствии она чувствовала себя непривычно беспомощной, уязвимой, зависимой. Вроде бы не очень приятные ощущения, но Кире хотелось удержать их, продлить до бесконечности. И ей было страшно оттого, что они могут однажды исчезнуть.

Она лежала и думала: «Неужели мы когда-нибудь расстанемся? Неужели я всегда буду бояться этого?»

А Егор спал...

Возможно, все сложилось бы несколько иначе, если бы Кира промолчала, и это был бы мирный, ничем не примечательный день. Они сидели на кухне, Егор сосредоточенно подчищал с тарелки все, что осталось от солидной порции сдобренных соусом макарон, Кира задумчиво полоскала чайный пакетик в чашке с кипятком.

– А знаешь... – неожиданно для себя начала она. – Мне тут такая ерунда приснилась...

Почему она решила поведать Егору свой сон? Наверное, все дело в том, что ей было неуютно и боязно оставаться наедине с чувством необъяснимой тревоги, навеянной ночным кошмаром. Она думала – стоит сформулировать, что именно ее беспокоит, облечь странное видение в слова, и тогда оно потеряет силу, останется в прошлом.

Но, похоже, она была не права.

Кира ждала, что Егор посмеется, выслушав сумбурный рассказ, и начнет ее поддразнивать, но он только нахмурился и сказал, что она просто устала вчера. Кира сразу пожалела, что не сдержалась и выплеснула на него свои темные мысли. Наверное, не следовало портить ему настроение глупыми фантазиями. Но это ведь действительно всего лишь сон, ничего страшного?

После завтрака Егор повел ее осматривать окрестности, так что все вроде бы шло как надо – никаких сбоев в намеченной программе. И все же что-то неуловимо изменилось, Кира чувствовала. Не то чтобы Егор сделался угрюмым и раздраженным, не то чтобы обмолвился еще хоть раз о злополучном сновидении, но... У него был такой же немного отрешенный вид, как перед самой свадьбой, словно он думал, думал о чем-то и не мог успокоиться, расслабиться.

А вокруг открывались взору картины необычайной, сумрачной и торжественной красоты, как Егор и обещал. В темных лесных зарослях, среди бесчисленных оттенков зелени Кира с наивной восторженностью городской девочки подмечала то бархатистую мантию мха на вывороченном пне, то янтарные потеки смолы на коре сосны, спохватываясь, что забыла в доме фотоаппарат... а потом смотрела на Егора и понимала, что между ними по-прежнему какая-то призрачная стена.

Надо же было вот так все испортить, отравить отдых и себе, и ему!

Возможно, рассказав о кошмаре, она просто-напросто вызвала у Егора какие-то неприятные ассоциации, и теперь он весь день станет размышлять о проблемах, которые, в сущности, не имеют отношения к дурацкому сну. Проблемы у него определенно были. Ариша добросовестно просветила Киру на этот счет примерно за месяц до свадьбы.

Собственно, еще до разговора с ней Кира начала догадываться: в жизни Егора что-то не так. Какая-то тень лежала на его сердце. Бывало, что он неожиданно мрачнел ни с того ни сего. Обнимал по привычке, когда она ластилась к нему, не понимая, в чем дело, и рассеянно целовал в макушку, и гладил ее волосы, но сам явно пребывал где-то далеко-далеко. В такие минуты она гадала: не сожалеет ли он о том, что предложил пожениться?

В те вечера, когда его не было рядом, она частенько стояла у зеркала и придирчиво рассматривала себя. Раньше Егор терпеть не мог ее внешность, называл кикиморой... Но что изменилось теперь?! Кира тщетно пыталась понять, насколько преобразилась со школьных времен. Может быть, она просто не замечает этих перемен?

«Ну, в любом случае нельзя сказать, что ты резко похорошела, правда?» – честно говорила она своему отражению.

Опасно подолгу смотреться в зеркало, когда в комнате уже сгустились сумерки. Можно увидеть совсем не то, что хочешь. Однажды она стояла близко-близко и глядела как будто сквозь собственное лицо, замороженная, не в силах оторваться, и вдруг ей показалось, что глаза напротив... чужие. Темные, бездонные, без зрачков. Из зеркала смотрела не она – кто-то другой. Недобрый.

Кикимора.

Кира тогда бросилась включать свет. У нее дрожали руки, она долго не могла успокоиться. Конечно, это было всего лишь наваждение, но с тех пор в душе окончательно поселилась тревога.

Егор не мог полюбить ее. Почему же он тогда с ней? После Вики разочаровался в девушках-Барби? Боится, что красивая барышня запросто бросит его, если вдруг с ним что-то снова случится? А влюбленная дурнушка, конечно же, останется рядом в горе и в радости – куда она денется!

Вполне логичное, приемлемое объяснение. Не очень приятное, но с ним можно было бы как-то существовать дальше. Если хочешь жить вместе с Егором – придется примириться с тем, что он выбрал тебя из соображений удобства и надежности. Прими это как данность и успокойся... Так говорила себе Кира, а потом начинала заново прокручивать в голове цепочку рассуждений, потому что в них зияла брешь – очевидный и существенный изъян. Получается, Егор не сомневался в ее влюбленности, когда неожиданно начал за ней ухаживать? А с чего вдруг? После всего, что было в школе, как он мог быть уверен в том, что она испытывает к нему хоть какие-то чувства, кроме скрытой злобы? Если не считать того случая с приглашением на танец, она никогда не давала повода заподозрить, что равнодушна к Егору. Более того, до недавних пор сама опрометчиво считала, что, слава богу, уже равнодушна!

Иногда Кире было интересно: что же Егор все-таки думает о том, как он раньше вел себя по отношению к ней? Сожалеет о своих издевках, стыдится? Или считает, что детские дразнилки – обычное дело, то есть ничего страшного с Кирой не произошло? Она никогда

не ворошила прежние обиды – слишком неловкая тема. Наверное, это и правильно. Что они с Егором могли друг другу сказать?

Они в принципе мало разговаривали, оба не отличались болтливостью. Никогда не обсуждали ни прошлое, ни будущее. Не делились секретами, не выпытывали друг у друга: о чем ты думаешь сейчас? Возможно, поэтому – из-за отсутствия привычки к взаимным откровениям – она и не решалась спросить Егора напрямую, таким непринужденным тоном: «Тебя что-то беспокоит? Скажи мне».

Она опасалась, что Егор не ответит, и одновременно – что ответит.

Кира изнывала от дурных предчувствий и в то же время старалась убедить себя, что все в порядке, что ничего плохого не происходит. Так бы она и мучилась... если бы не Арина. Когда до свадьбы оставалось двадцать девять дней (Кира считала), подруга попыталась отговорить ее от замужества, пока не поздно. Разговор был долгий и не очень приятный.

– Ты о нем ничего не знаешь, – мрачно бубнила Арина. – Даже я, кажется, знаю больше, чем ты. Не хочу тебя пугать, но ты в курсе, что он увяз в кредитах? Что у него напряженные отношения с семьей? А сейчас с этой вашей свадьбой он запутается с финансами еще больше.

Кира в очередной раз не ответила, и Арина вдруг с силой схватила ее за плечи и чуть ли не встряхнула, разворачивая к себе, заставляя смотреть в лицо.

– Послушай меня! – с нажимом сказала она. – Я не сомневаюсь, что с твоей стороны все серьезно и ты готова жить с ним долго и счастливо. А он? У него-то что на уме? Только не вздумай продавать свою часть квартиры ради него или делать еще какие-нибудь глупости. Кредит брать на свое имя, например.

Арина очень удивилась бы, если бы Кира объяснила, что чувствует в этот момент. Узнав наконец, отчего Егор может вести себя несколько странно, она испытала такое несказанное облегчение, что даже не стала спорить. Пусть Арина думает про Егора, что хочет. Для Киры важнее всего было то, что причина его уныния и подавленности никак не связана с ней самой. Да, чуточку эгоистично радоваться из-за этого, но ведь все материальные проблемы можно как-нибудь решить? В конце концов, Егор – взрослый человек, и зря Арина думает, что он сам не справится со своими трудностями, какими бы они ни были.

Нет, конечно, она не собиралась делать никаких глупостей, хотя Ариша почему-то была убеждена в обратном. Но Егор никогда и не просил ее ни о чем. Он даже не посвящал ее в свои дела.

До самой свадьбы она ни разу не обмолвилась, что все знает, а сейчас, наверное, и вовсе не время заводить непростые разговоры – очевидно, что он хотел оставить позади все заботы хотя бы на несколько дней. Так что Кира решила впредь помалкивать и не выяснять, какие именно темные мысли она всколыхнула своими неосторожными словами о кошмарном сне. Пусть Егор успокоится, развеется, забудет о серьезных делах. Надо просто немного подождать.

В Москве было нежарко, а здесь и вовсе прохладно. Им обоим пришлось накинуть куртки, прежде чем иди гулять, и Кира, зябко прижимаясь к Егору, запустила руки ему под ветровку – погреться – и счастливо вздохнула. Муж. Он теперь ее муж. В горе и в радости.

А в доме остался не только фотоаппарат, но и мобильный телефон. На экранчике с самого утра высветился не принятый звонок – от Арины. Но Кира решила не перезванивать. Она была не готова общаться с подругой и жизнерадостно уверять ее, что все замечательно. Кроме того, она не могла отделаться от глупого страха, что Арина возьмет трубку – да вдруг скажет: «Знаешь, я напечатала фотографии, а там...»

И еще она отчаянно боялась, что следующей ночью ей снова приснится что-то нехорошее про Егора.

Ближе к концу дня в телефоне поселились уже пять пропущенных звонков, а еще эсэм-эска: «Позвони мне!!!» Три восклицательных знака – для спокойной Арины это что-то выдающееся. Но что могло произойти?

Неужели она просто переживает? Все еще? Ей нелегко было смириться с тем, что Злыдень теперь – часть Кириной жизни, сколько бы она ни предрекала, что их отношения ничем хорошим не обернутся. Но в конце концов она согласилась, хоть и в крайне своеобразной форме, что Кире лучше знать, с кем стоит связывать свою судьбу. Почти накануне свадьбы они сидели в кафе, Арина маялась, явно собираясь что-то сказать, грела руки о кружку с чаем. Подозревая, что речь пойдет о Егоре, Кира хотела уже вздохнуть обреченно: «Ну же, давай, выкладывай, что еще у тебя на уме! Ну, объясни мне снова, как мы не подходим друг другу!» – но Арина заговорила первой:

– Слушай... Наверное, я была не права. Я видела, как он на тебя смотрит. Как ты на него смотришь. Между вами определенно что-то есть такое... не прагматичное. Искра. Секс. Знаешь, я не думала, что все настолько серьезно.

Кира нервно ковыряла ложечкой остатки песочного пирожного. Они, как и мысли, безнадежно рассыпались на мелкие крошки. Что ответить? «Я рада, что ты наконец-то заметила»? Впрочем, Арина не была бы Ариной, если бы не добавила:

– Будь у меня склонность все драматизировать, я сказала бы, что у вас не любовь, а роковая страсть. Уж не знаю, насколько это хорошо...

Кира невольно хихикнула тогда – и заулыбалась сейчас. Ох, Арина, Арина... Стремления к драматическим и патетическим речам тебе точно всегда хватало!

Надо все-таки позвонить ей, а то неудобно как-то.

Как назло, телефон именно после этого решения ехидно выдал надпись: «Нет сети». Сколько Кира ни блуждала по дому, сигнал не появлялся, хотя был еще утром. Плохонький, слабенький, но был.

– На обрыве мобильный обычно хорошо принимает, сходи туда, – посоветовал Егор.

Еще не стемнело, только-только начали сплетаться в воздухе прозрачные июньские сумерки, и Кира пошла. Там, где холмистая коса, на которой стоял их дом, врезалась в озеро, она сначала взлетала вверх песчаной дюной, а потом обрывалась вниз почти отвесно. На самом краю неожиданно налетел ветер, подхватил полы Кириной ветровки, захлопал ими, точно крыльями. Внизу зеленели темные заводы, окаймленные порослями камыша. На берегах – то крутых, то пологих – не сидели через каждые пять метров сонные рыбаки, как возле мутных подмосковных прудов и речек. Тишина и безлюдье. Никого вокруг. Так странно, так непривычно...

После нескольких гудков – обрадованный и одновременно встревоженный голос Арины:

– Кира, Кира, как хорошо, что ты позвонила! Я тут... узнала кое-что. Может быть, это ерунда, – она запнулась на секунду. – В общем, я вчера встречалась с другом Егора. Ну, ты помнишь. Антон. Он был на свадьбе. Стриженный такой.

Кира улыбнулась. Да, она помнила. Тот самый парень. Значит, у них с Ариной все-таки намечается «продолжение».

– Так вот. Он мне между прочим рассказал, что полгода назад Егор ходил к гадалке. У него была полоса неудач, он тогда отчаялся совершенно, не знал, что делать. И пошел к какой-то бабке. Знаешь, что она ему сказала?

Кира не знала, но интонации у Арины были нехорошие, и за одну секунду перед нею промелькнули картины одна страшнее другой. Что именно Егору нагадали? Он умрет, заболит? Когда?!

– Кира, она ему сказала: «Тебе кикимора вредит». Слышишь? Так и сказала: «Тебе кикимора вредит. Ты сам ее вызвал, сам приманил, сам должен от нее отделаться». Антон – он про твое прозвище ничего не знал. Точно не знал. Поэтому рассказывал все это как смешную историю. Типа как бабуся задурила Егору голову и заявила, что ему надо избавиться от кикиморы,

чтобы сбросить с себя порчу, а Егор все это как-то очень серьезно воспринял и заявил, что знает, мол, как ему поступить. Кира, тебе все это не кажется... странным? Что Егор в твоей жизни снова появился как раз полгода назад?

В ее голосе слышалось: «А я тебе говорила! Говорила! Предупреждала ведь! А ты не слушала!» Кира и сейчас хотела бы не слышать.

– И что это, по-твоему, значит? – спросила она после долгой паузы.

Арина вздохнула в трубке.

– Ты меня спрашиваешь? Ты Егора лучше спроси! Хотя... нет, лучше не надо. Если он что-то действительно задумал... – она сделала трагическую паузу, потом предложила, почти с просительной интонацией: – Может, тебе лучше уехать оттуда? А, Кир? Скажи ему, что тебе надо срочно в Москву. Можно ведь что-нибудь соврать.

Кира молчала, и Арина жалобно добавила:

– Я же беспокоюсь. Ты пойми, не исключено, что все это ерунда и я зря панику навожу, но вдруг...

Кира не могла заставить себя спросить: что – вдруг? Арина не сомневалась, что Злыдень способен на какую-нибудь гадость, это понятно.

Но он ведь ничего плохого не сделал.

Пока.

В солнечном сплетении закручивается тугой проволочный жгут. Руки становятся липкими и влажными. Трудно дышать.

Что он мог «задумать», что?!

– Арина, – Кира услышала свой голос, спокойный и рассудительный, – ну ты же здравомыслящий человек. Это ведь какой-то бред – то, что ты сейчас говоришь. Не обижайся, но похоже на паранойю. Может быть, он захотел со мной встретиться из-за этого гадания, я не спорю. Но потом... Ты сама сказала, между нами что-то есть – искра, страсть, и что бы это ни было, гадалка тут ни при чем. Так что не беспокойся о нас, ладно?

Арина отчетливо вздохнула в трубке – там, далеко-далеко, в Москве. Она все равно ничего не могла сделать.

– Ну, как знаешь. Но если что-то случится... или даже нет – не случится, а если ты просто почувствуешь что-то подозрительное, обещай мне, что уедешь оттуда, немедленно.

Кира пообещала.

Спрятав телефон в карман ветровки, она еще некоторое время стояла недвижно, глядела на темную воду вниз. Гадалка, значит... Это в какой-то степени объясняло, почему Егор вдруг решил найти ее на сайте среди прочих одноклассников, а потом и вовсе стал искать встречи с нею. Хотел убедиться, что на самом деле она не держит на него зла? Да, очень может быть...

Ей вдруг послышался какой-то шорох, она обернулась, все еще погруженная в раздумья, – и чуть не вскрикнула от неожиданности. Егор стоял прямо у нее за спиной. Кира едва не спросила с нервным смешком, что это за развлечение такое – подкрадываться незамеченным, но он смотрел как-то... как-то... странно. Она даже не смогла бы сказать точно – как именно.

И в один миг все прочие мысли вытеснила из головы одна-единственная: надо отступить подальше от края. Прямо сейчас. Шаг. Еще шаг.

Егор как будто очнулся, засмеялся принужденно, сглаживая внезапную неловкость:

– Боишься, что тебя ветром унесет?

С этого момента все окончательно пошло наперекосяк.

Ближе к ночи дом, окруженный соснами, начал казаться Кире сумрачной громадой осажденной крепости. Кругом – тьма и промозглый холод. Тени выползают из оврагов и болот, прячутся за деревьями. Что-то трещит в кустах, какая-то ветка надрывно стонет в порывах ветра, точно бесценная скрипка в руках второгодника из музыкальной школы.

Легко сказать – хорошо, я уеду немедленно.

А как уедешь?

Здесь нет автобусов, и непонятно даже, как добраться до шоссе. Родители давно уговаривали ее пойти на водительские курсы, но она только отмахивалась: с моей-то внимательностью выезжать на дорогу – да вы что? Теперь Кира сильно сожалела о своей неуступчивости. Можно было бы в любое время укатить на машине Егора, бросив его здесь...

Кира мыла посуду и буквально спиной чувствовала, что Егор наблюдает за нею. Хотелось спросить: «О чем ты думаешь, когда смотришь на меня?» – но она не отваживалась. Сейчас ей было сложно даже встретиться с ним взглядом. Проще сосредоточиться на автоматических движениях: провести губкой по гладкой керамической поверхности, ополоснуть тарелку прохладной водой.

Как долго он стоял рядом с ней на обрыве, пока она его не заметила? Что он слышал?

Сложно собраться с мыслями. Его взгляд – как прикосновение. Вторжение в личное пространство. Не обязательно оглядываться – она всегда безошибочно угадывает, смотрит ли Егор на нее в данный момент. Сейчас он смотрит. Пристально. Сконцентрировав все внимание на ней одной.

Может, поговорить с ним – откровенно, не скрывая некоторой растерянности? Но что сказать? «Знаешь, мне тут доложили, что ты ходил к гадалке...»

...Из-за спины протянулись руки, обхватили за талию, в плечо уткнулся подбородок. Кира поставила идеально вымытую тарелку на столешницу и медленно развернулась в кольце объятий: Егор так и не разжал рук. Она чувствовала его чуть щекотное дыхание на шее, у самой ключицы.

– Не скучно тебе здесь? – шепнул он, поцеловал в мочку уха. – Еще не пожалела, что вышла за меня замуж?

Что она должна была ответить? Конечно, она промолчала, только вздохнула резко, судорожно, когда Егор заскользил подушечками пальцев вдоль ее позвоночника – вверх и вниз, и в следующий миг она уже вытягивала, выдергивала все еще мокрыми руками края его заправленной в джинсы майки, чтобы добраться до поджарого живота, дорожки курчавых волос, неровного шрама на левом боку – после аварии.

Она может думать о чем угодно, подспудно бояться Егора, приписывать ему какие-то тайные нехорошие намерения – телу все равно. Оно лучше знает, как реагировать. Дыхание учащается, сердце гулко пульсирует, и даже самое легкое касание, поглаживание, сплетение пальцев, да что там, просто теплый выдох из губ в губы вызывает трепет, совершенно неконтролируемый. И дальше – только череда движений, нервный ритм, воздух – рывками в легкие, пока не остается никаких мыслей, никаких тревог. Это полное растворение. Самозабвение. Слияние.

Все, что Егор может дать ей.

Он никогда не говорил ей, что думает, что чувствует. Не считал нужным. Если уж на то пошло, он не произносил даже: «Я люблю тебя». Но когда они замирали друг у друга в объятиях, ей казалось, что это неважно.

Время от времени.

Порой блаженная истома проходила слишком быстро, и оставалось только недоумение: как можно одновременно ощущать, что вот это – самый близкий человек на свете, и при этом с горечью понимать, что он чужой, что ей, в сущности, ничего не известно о нем – по крайней мере, от него самого?

Да, она знает его на ощупь, на вкус, но слова – то, чего ей отчаянно не хватает. Скажи мне. Скажи. Что-нибудь единственно правильное. То, что я хочу услышать.

Обмани меня хотя бы!

Она не из тех, кто постоянно спрашивает: «Ты меня любишь? Ты меня любишь? Нет, ты точно меня любишь?» Но все-таки... иногда... очень хочется узнать. Только – как, если не решаешься задавать глупые вопросы?

...Пойти к гадалке? – вдруг мелькнула непрошенная мысль.

Кира пыталась сконцентрироваться на простых, физических, тактильных ощущениях, путаясь пальцами в коротких взъерошенных прядях, прижимаясь губами к горячей коже. Затмение, забвение – вот что ей было нужно сейчас. Не думать. Отключиться. Стереть из памяти один-единственный телефонный разговор.

Ничего ведь не случилось. Ничего плохого. А там, возле обрыва, ей могло показаться все что угодно – после очередных страшилок Арины.

Этой ночью она будет лежать с Егором в одной постели, слушать его медленное, ровное дыхание и старательно не думать ни о чем. Как поборник медитации, желающий освободить свой разум.

Она, правда, не уверена, что разум у нее еще остался. Что он вообще был.

По дому плыла тишина.

Кира засыпала, просыпалась, снова засыпала – и все время, между дремотой и явью, ощущение близкой беды не покидало ее. В голове вертелся маленький вихрь недобрых мыслей.

Никто не узнает, Кира. Если вдруг что-то случится – никто не узнает. Не услышит. Не придет на помощь.

Зачем она только позвонила Арине? Надо было выключить телефон на целую неделю; просто предупредить родителей, что мобильный здесь не работает – и все.

Наконец, ближе к утру, она погрузилась в более-менее крепкий сон, но нельзя сказать, что он принес ей облегчение. Ей привиделась полутемная комната без окон и дверей. В самом центре стоял Егор – внутри круга, очерченного мелом на полу. А она сама – так странно видеть себя со стороны! – хмурясь, бродила по этой комнате, точно вслепую, вытянув руки перед собой. Как будто искала что-то. Или кого-то. Медленно. Сосредоточенно.

Егор молча следил за ней и, судя по напряженному взгляду, страстно, горячо желал, чтобы она его НЕ нашла. А вот у нее на лице застыло выражение такой холодной решимости, что сомневаться не приходилось: она найдет. Рано или поздно – найдет.

К счастью или нет, но Кира проснулась до того, как это произошло. Почему-то ей не хотелось видеть, что будет дальше.

Когда она открыла глаза, Егора не было рядом. Он, видимо, тихо выбрался из постели, пока она досматривала свои кошмары. Хорошо. Можно полежать в кровати одной, хмуро глядя в потолок, – и никто не станет расспрашивать, что не так.

Этот сон она мужу точно пересказывать не станет. В этом сне Егор был уверен, что она желает ему зла. И, возможно, был прав.

Она ведь обрадовалась, когда с ним случилось несчастье. Тогда, после автокатастрофы. То есть она, конечно, не думала до этого, что вот хорошо бы с ним случилось нечто ужасное, не наводила никакую порчу... Хотя... Что если ее горечи, ее боли, ее любви, обращенной в разочарование, оказалось достаточно, чтобы сглазить Егора? Могла ли она действительно быть виновной в его неприятностях, как сказала гадалка? Авария, больница, предательство Вики, ссора с родителями, денежные проблемы – неужели все оттого, что она втайне желала Егору каких-нибудь гадостей...

А что? Очень даже любопытная история, прямо-таки сказочная. Жестокий мальчик разбудил в наивной глупой девочке что-то темное и злое – и эта сила обратилось против него.

Но даже если это не так – неважно. Главное – верит ли сам Егор, что все его беды из-за Киры, и как он собирается поступить. Каким образом надеется все исправить.

«Если бы ты знала, что какой-то человек – причина всех твоих страданий, что бы ты сделала?» – спросила себя Кира. «Вышла за него замуж!» – тут же мелькнул ответ, и Кира едва не расхохоталась, немножко истерически. Она сумасшедшая, определенно. Одержимая. Иначе как объяснить, что Егор продолжал занимать ее мысли год за годом, как бы она ни старалась его забыть. Егор. Злыдень. Любимый. Единственный.

Это была зависимость, которую она так и не смогла перебороть. А после того как Егор снова стал частью ее жизни, она даже стала надеяться, что эта зависимость взаимна или хотя бы будет взаимной, как заразная болезнь.

«Ладно. Все. Пора прекращать эти терзания», – велела себе Кира. Егор ведь женился на ней. Значит, у них все серьезно. Несмотря на дурные воспоминания и не менее дурные сны. Несмотря на странные слова какой-то там гадалки.

Шлепая босыми ногами по деревянным доскам пола, Кира выбралась из спальни на кухню, все еще в ночнушке. Заварила себе чай и с кружкой в руке принялась искать, куда Егор мог запрятать сахар. Некоторые кухонные шкафчики были пусты, другие – полны беспорядочно расставленных бакалейных запасов, привезенных из Москвы. В одном на самом виду красовалась упаковка снотворного, не вскрытая.

– А, это бабушка забыла, – сказал Егор у нее за спиной. Кира вздрогнула и чуть не расплескала чай.

– Черт, ты опять меня пугаешь! Умеешь же ты подкрадываться!

– Да-а, умею.

На этот раз никаких объятий – голодный Егор направился не к ней, а к холодильнику. Кира поставила упаковку на место и закрыла дверцу. Слишком богатая фантазия – это беда. С чего ей вдруг подумалось, что эти таблетки здесь не случайно? Пустой шкафчик – и эта упаковка... А в чашку с горьковатым растворимым кофе хоть отраву подмешай, все равно другой вкус не почувствуется...

Ох, Кира, какая же ты нервная.

В течение всего дня совершенно нелепая мысль о снотворном продолжала курсировать у нее в голове, круг за кругом. Нелепая потому, что Егор, конечно же, не стал бы избавляться от жены таким дурацким способом. Ну, если рассуждать чисто теоретически. Кира никогда не принимала снотворного, так что в случайную передозировку никто не поверит. В самоубийство тоже. С чего это вдруг вполне довольная жизнью женщина вздумает отравиться? Единственный вариант – усыпить ее и, к примеру, затащить куда-нибудь в болото. Но это лишь в том случае, если предполагается, что тело никто и никогда не найдет. Потому что иначе – вскрытие же. И тогда выяснится, что жертва была накачана всякой дрянью, а значит – смерть явно не была несчастным случаем.

Но в принципе сценарий с бесследным исчезновением в такой глуши очень даже осуществим. А то, что Егор еще не взялся за его воплощение в жизнь, вполне объяснимо. Если что-то произошло бы сразу же после приезда – это было бы подозрительно. Пусть лучше родители и друзья Киры прочитают хотя бы несколько успокоительных эсэмэсок о том, что все хорошо, что она счастлива, что у них с Егором все отлично.

А потом... В один не очень прекрасный момент...

«Стоп! – велела себе Кира. – Ты ведь начала рассуждать теоретически, да?»

Но она уже не могла остановиться. Мысли выстраивались в одну и ту же цепочку, сколько Кира их ни перетасовывала: дом посреди леса – никого вокруг – даже мобильный плохо ловит сеть – и если что-то случится...

В предсвадебной суете Кира совершенно не думала обо всем этом. Наоборот, ждала, когда же они с Егором окажутся наедине друг с другом – в общем коконе молчания, к которому она уже привыкла, в сумрачной идиллии без лишних людей и мыслей о будничных сложностях. Но теперь затея с отдыхом вдали от цивилизации начала казаться ей как минимум не очень удачной.

Что если свадьба – всего лишь предлог привезти ее сюда? Да, конечно, это дело хлопотное, недаром Егор ходил такой мрачный, когда все организовывал. Можно было и не тратиться, просто пригласить влюбленную дуручку выбраться «на природу» на несколько дней – она бы поехала. А со свадьбой на первый взгляд одни сложности. Зато какое шикарное прикрытие! Потом ни у кого точно не возникнет подозрений, что Егор желал Кире зла. Если уж он женился, значит, у них все было серьезно. Ах, они так любили друг друга! Какое горе, что молодая жена бесследно пропала.

Перед глазами, как всплывающее «окно» на экране компьютера, начала то и дело возникать четкая картинка – Егор стоит перед ее родителями, все одеты в черное, и у него трагическое выражение лица: «Поверьте, я ничего не мог сделать».

Кира мысленно перечеркнула этот кадр. Два раза, по диагонали, слева направо и справа налево. Не помогло – наоборот, все новые кадры стали мелькать один за другим, быстрее и быстрее. Пустая упаковка из-под бабушкиного снотворного в шкафчике. Прозрачный невесомый пар над чашкой с кофе. Узенькая крутая лесенка в погреб, где свалены в углу какие-то инструменты. (Была ли там лопата? Кажется, была.) Черные комья перевернутой земли. Маленький холмик на болоте, зарастающий травой. Вот, собственно, и все. Конец истории про Злыдня и Кикимору.

Нет, нет, это бред какой-то. Кира в отчаянии зажмурилась и помотала головой, словно эти мысли можно было вот так просто вытрясти оттуда. Все они теперь шли черным фоном к абсолютно мирным будничным занятиям, и поток темных фантазий не прекращался. Как будто слова Арины прорвали какую-то очень тонкую защитную пленку, под которой Кира до сих пор прятала собственные страхи, не желая к ним присматриваться, и оттуда, из-под этой пленки, хлынула мерзость – мутная болотная жижа давно гнивших там подозрений.

Он не любит тебя, он не может любить тебя. Вы с ним – не пара. Кира всегда с трудом представляла себе, как они появятся на следующей встрече одноклассников – вместе. Что скажут другие парни, которые смеялись над ней заодно с Егором? Не исключено, разумеется, что они давным-давно забыли, кто кого дразнил и донимал столько-то лет назад: многое исчезает из памяти, если не касается тебя лично. Но что если кто-то ляпнет: «Ты? Женился на Кикиморе?!» Что Егор сделает тогда? У Киры не хватало фантазии представить. Может быть, просто скажет: «Ну да», – вот и весь разговор. У мужиков вообще все как-то проще.

Кира в очередной раз вздохнула. Она пыталась придумать себе какое-то практическое занятие, чтобы отвлечься. Но кроме разве что незамысловатой готовки и мытья посуды в небольших количествах, ничего подходящего в распорядке дня не значилось. На вопрос, не надо ли сделать еще что-то по дому, Егор только буркнул: «Кир, ну ты что, ты же не работать сюда приехала», – и повесил для нее гамак между двумя соснами.

Да если б даже нашлось какое-то дело, отвлекающий маневр все равно наверняка получился бы так себе, в итоге решила Кира. Хоть руки и были бы чем-то заняты, но голова-то – нет. Нечем разбавить эту концентрированную, постепенно закипающую жижу недобрых мыслей, а вылить ее – тем более некуда. Не на кого. Если позвонить Арине, она совсем с ума сойдет от тревоги и, чего доброго, поделится своими соображениями с Кириными родителями. Вот уж чего Кира хотела меньше всего!

И в результате – все это смердящее, тошнотворное варево продолжало бурлить и булькать. Независимо от Кириных усилий хоть как-то прикрыть его сверху крышкой и притвориться, что все в порядке.

Когда Егор предложил пойти прогуляться в деревню, Кира поначалу обрадовалась. Да только напрасно. Перемена обстановки не помогла. Во-первых, у деревни был не слишком жизнерадостный вид – она выглядела заброшенной. Вдоль единственной улицы, пыльной и пустынной, в молчании тянулись два ряда перекошенных заборов, заросших бурьяном огородов и безжалостно состаренных временем сереньких домиков, на которые явно махнули рукой, и уже давно. Они были совсем не похожи на жилище Бабы-яги посреди леса, пусть и нелепое по планировке, но построенное на радость семье и поддерживаемое в относительном порядке. В общем, деревенские пейзажи производили немножко гнетущее впечатление. Как будто люди здесь, сколько бы их ни было, не жили, а доживали последние дни и не видели смысла что-то чинить или красить.

А во-вторых... во-вторых...

Кира шла рядом с Егором и думала, что это был бы тоже грамотный ход – показаться с молодой женой местным обитателям. Ну, если бы Егор собирался избавиться от нее, конечно. Очень даже неплохо на случай расследования, в качестве добавления к успокаивающим Кириным эсэмэскам и звонкам в Москву, заручиться свидетельскими показаниями, подтверждающими, что с Кирой до поры до времени действительно было все в порядке, что она казалась радостной и довольной. Если учитывать, что Егор теперь, возможно, знает о подозрениях Ариши, его желание подстраховаться вполне логично. То есть опять же при условии, что он все-таки вынашивает какие-то зловещие планы... Черт, черт!

– А вон дядя Миша, – Егор ткнул подбородком куда-то вперед: одна рука у него грелась в кармане куртки, а другой он приобнимал Киру за плечи.

Дядя Миша сидел на скамеечке у забора – такой же серой и слегка перекошенной, как и все вокруг. В принципе, и у него самого вид был соответствующий. Немного помятый, немного морщинистый, а самое главное – настолько философски унылый, словно он мысленно сочинял печальную оду, посвященную увяданию знакомой ему с детства деревни. Впрочем, при виде Егора он несколько оживился и даже приподнялся, чтобы пожать ему руку – крепкое такое рукопожатие двух мужчин. Егору пришлось временно отстраниться от Киры, но он тут же подоткнул ее себе обратно под бок, прежде чем представить ей дядю Мишу официально.

Прижатая к Егору, Кира старательно улыбалась, пока тот вкратце рассказывал про свадьбу. Его рука немножко некомфортно давила на плечи.

Счастливая пара – вот как они, наверное, смотрятся со стороны.

Может, не стоит изображать счастье и гармонию так усердно, подумала Кира. Чтобы вот хоть этот дядя Миша припомнил, что не все было в порядке, – если вдруг что-нибудь произойдет. Рассказал потом родителям или Арине – она была такая грустная... Арина не оставит Егора в покое, случись с Кирой что-то неладное. Арина такая – сама приедет, сама со всеми поговорит, но выяснит, что с ней стало.

Кира не тешила себя иллюзиями, что кому-то еще – да вот хоть немногочисленным людям в этой деревне – будет до этого дело. Егора они знают, а она им кто? О ее существовании забудут еще до того, как она исчезнет. Не вспомнят потом, как она выглядит – так, размытое пятно вместо лица, худенькая угловатая фигурка. Кукла Барби, может, и осталась бы в памяти. Кикимора – нет.

Увлечшись этими пессимистичными мыслями, Кира пропустила очередную фразу Егора, услышала только ответ дяди Миши:

– Холодно еще. Купаться-то.

– А мы на лодке покатаемся. Да, Кир? Можно будет одолжить вашу, дядь Миш? У вас ведь и мотор был, кажется?

Дядя Миша пробурчал, что это – всегда пожалуйста. Только к омуту не суйтесь.

Егор ведь знает, что я не умею плавать, подумала Кира. Я говорила ему об этом, точно говорила. А даже если бы и умела... Один точный и резкий удар по затылку – и только круги по черной воде.

От приклеенной улыбки сводило губы.

Сначала она думала отказаться. Затем сказала: «Ну, давай, может быть, потом как-нибудь». Но это «потом как-нибудь» наступило довольно-таки быстро. Всего-то три дня прошло – и вот, вода мерно колыхается за бортом лодки, близко-близко. Успокаивающие такие всплески – плюх, плюх. Замечательное звуковое сопровождение для романтической прогулки.

Дяди-Мишин мотор категорически отказался сотрудничать с Егором: несколько раз простужено чихнул, потом презрительно фыркнул – мол, не работаю я сегодня, не ясно разве? – и затих. Дядя Миша только плечами пожал. Бывает. И то-оолько Кира подумала: может, это знак для нее, что не надо ехать? – Егор заявил, что ничего страшного, он может и на весла сесть.

Ладно, сказала себе Кира. Хорошо. Пусть.

И Егор сел на весла. Они туго двигались в уключинах, с едва слышным скрипом. Слегка покосившийся от времени деревянный причал отодвигался все дальше, вместе с сутулой фигурой дяди Миши, тоже немножко перекошенной: он стоял как-то скособочено, облокотившись на хлипкие перила, и докуривал сигарету. Не смотрел вслед – глядел на темно-зеленую воду под досками причала, как будто видел там что-то свое, и время от времени сплевывал.

Егор вел лодку ровно. Она двигалась сквозь недвижный воздух по тихо всплескивающей воде точно зачарованная ладья. Кира сидела на передней банке, нервно сцепив руки на коленях. Лицом к Егору, вернее – к его спине. Он почему-то захотел, чтобы Кира устроилась на носу лодки, но заявил, что грести удобнее вот так – спиной вперед – и теперь периодически оглядывался через плечо. Странно как-то. Кире многое в последнее время казалось странным.

Возможно, я провоцирую его, думала она. Но он ведь может избавиться от меня и в доме. Свидетелей нет. Ничто ему не мешает. Так не лучше ли выяснить все раз и навсегда, чем терзаться подозрениями? Что может быть проще. Если они благополучно вернутся с прогулки – значит, все эти подозрения были необоснованными. Отлично, не правда ли. А нет... ну, значит, нет. Она, возможно, даже не поймет, что случилось.

Это лучше, чем жить в вечной лихорадке, в ожидании, что вот-вот произойдет что-то плохое – или не произойдет. Всего три дня, проведенные в этом состоянии, стали для нее пыткой. Оказывается, за это время можно погрузиться в абсолютную паранойю. Только-то и нужно, что не сдерживать свою фантазию: она будет пускать новые и новые побеги, оплетать душу изнутри и сдавливать сердце каждые пять минут.

Куда бы Кира ни обращала взгляд – везде были напоминания и намеки. Как нарочно.

Ржавый капкан в подвале. Зачем капкан в доме? Бабушка Егора вряд ли была заядлой охотницей.

Кофе. Она тайком нюхала кофе. Пахнет ли снотворное чем-нибудь? Вряд ли.

Ножи... Нет, ножи она отмела практически сразу: много крови, следы повсюду – неблагоприятно. В доме Егор ножом точно не воспользуется. А нести его с собой на прогулку, прятать под курткой – это какой-то бред, совсем не в духе Егора.

А что в его духе? Кира с трудом могла себе представить, чтобы Егор – нормальный, обычный парень без склонности к физическому насилию – вдруг стал кого-то душить или резать. Ну, или бегать по двору с топором наперевес. Топор в доме вообще-то был, но это ведь еще более неаккуратное орудие убийства, чем нож. Кира решила, что Егор все-таки слишком брезглив, чтобы его не смутили брызги крови и ошметки плоти: он же городской мальчик, который

мясо видел только в виде готовых бифштексов – никакой привычки к грязной стороне умерщвления живых существ.

Значит – ловко спланированный несчастный случай? Чтобы не замараться и в прямом и в переносном смысле, нужно удачное стечение обстоятельств и одно-единственное быстро принятое решение. Немножко подтолкнуть или, наоборот, вовремя не протянуть руки – и готово дело. Главное – не растеряться, не промедлить. Как там, на обрыве...

Господи, ты уже рассуждаешь так, словно знаешь наверняка, что он хотел тебя столкнуть! – в который раз одергивала себя Кира, снова, и снова, и снова.

А потом говорила себе успокоительным тоном: если что, ты ведь всегда можешь сбежать в деревню. Попросить помощи там. Хотя... что именно сказать, как объяснить, что происходит? Видите ли, у меня есть подозрения... но я не уверена... Нетрудно предположить, что ей ответят, выслушав этот лепет. Тот же дядя Миша покрутит пальцем у виска: «Ты что, девонька? Это Егор-то хочет тебя убить? Ерунда какая-то». И действительно, полная ерунда. Егор пока ничего не сделал, и нет доказательств, что собирается. Она не только не может ничего подтвердить, она даже сама не знает, есть ли что подтверждать или это все нелепые фантазии, некстати подкинутые лучшей подругой.

Кира не представляла раньше, что обладает настолько развитым воображением. Наверное, стоило бы подумать о том, чтобы стать сочинительницей триллеров – хоть какая-то польза была бы. Достаточно было бы записывать свои сны...

Она стоит в темноте перед зеркалом, и оттуда, из глубины, как из вязкой болотной топи, тянется что-то черное и злое. Она не видит, но знает, что Егор – у нее за спиной, и если эта неведомая сила все-таки дотянется и войдет в нее, то она (или уже не она?) обернется к мужу с кривой, недоброй улыбкой.

Когда Кира просыпалась, то не испытывала облегчения. Она тихо выскальзывала из постели и бездумно слонялась из комнаты в комнату. Дом, такой просторный и светлый днем, при электрическом свете казался заброшенным и необжитым.

Наяву она чувствовала то же самое, что и во сне: муторную тревогу, настоянную на ощущении собственного бессилия... и колючего стыда. Она ведь заранее готова была обвинить невесть в чем не просто кого-нибудь – любимого человека. Это ли не предательство, если Егор на самом деле не хочет ей зла? Ведь не может же он на самом деле...

Она с ужасом понимала, что не уверена. Теперь – не уверена.

А как дальше жить с человеком, которому не доверяешь? Пусть даже все подозрения – неправда, пусть даже они никогда не оправдаются, все равно в душе навсегда останется эта червоточинка – тень сомнения. Сколько бы Кира ни старалась обо всем забыть, Егор рано или поздно почувствует, что в ее отношении к нему что-то изменилось. И что тогда? Возможно, он сделает вид, что ничего не замечает, а она – что и замечать-то нечего. Так и будут притворяться... пока кому-то из них это не надоест.

Наверное, первым не выдержит Егор. Кира все-таки обладала большим опытом конспирации: она привыкла скрывать, как ей плохо. Мастерски освоила этот полезный навык еще в школе. А Егор – он более импульсивный.

Кира не знала, чего боится больше – того ли, что Егор хочет избавиться от нее, или того, что она своей подозрительностью оттолкнет его от себя. Как глупо.

Еще более нелепой, но такой же неотвязной была мысль, что у Егора может найтись и другая причина, чтобы сорваться и уйти. Что если неприятности у него продолжатся – поверит ли он в конце концов, по наговору гадалки и из-за ее собственного странного поведения, что это она во всем виновата? Предположим, он от этой дурацкой идеи поначалу отмахнулся, предположим, совсем не поэтому возобновил знакомство, но ведь какие-то сомнения у него могли остаться. Потому что – вдруг это все-таки правда?

«Я не хотела, чтобы ему было плохо! На самом-то деле – я же не хотела!» – «А кто радовался, узнав, что он попал в автокатастрофу?» Да, это было, было – всплеск жгучего ликования, желание узнать подробности, перебрать их все до единой. Ему, Злыдню, плохо, значит – ей хорошо.

«Я же не специально, – уговаривала себя Кира. – Что я могла сделать? Как должна была заставить себя простить?»

«Кстати, почему это – должна? – шептала в ответ черная злоба из ее снов. – Он, если уж на то пошло, прощения у тебя не просил».

Кира так задумалась, что пропустила момент, когда деревенский причал окончательно скрылся за изгибом берега. По правую руку мимо неспешно проплывали нависшие над водой ветви, а на противоположной стороне вздымались песчаные обрывы – где-то там, среди сосен, стоял их дом.

Егор сказал: «Сделаем кружок и вернемся». С учетом того, что озеро было узким и вытянутым, скорее похожим на длинную искривленную протоку, чем на маленький прудик, «кружок» получался довольно приличным.

Почему-то Егор держался ближе к более низкому берегу, заросшему ольхой и осиной. Лес подступал к самому краю темно-зеленой воды, кое-где из нее торчали серые от времени сучковатые ветви давно поваленных мертвых стволов, а маленькие тихие заливчики и неведомо куда ведущие протоки были затянuty то ли камышом, то ли еще какой-то травой. И никого вокруг, как удачно. Подходящее время, подходящее место. Сиди тихо, Кира, дожидайся, не воспользуется ли твой муж благоприятной ситуацией.

Она слушала мерный плеск весел и глазела по сторонам, лишь бы не смотреть на Егора. Берег под ветвями выглядел заболоченным – хоть и низкий, не пристанешь, не выберешься. Должно быть, где-то там, в лесах, лежат те самые черные топи, которые они с Егором объезжали на машине. Может быть, это тоже были маленькие прозрачные озерца, когда-то давным-давно, а потом они покрылись ряской, затянулись мхом – потому что все равно никто не заглядывал к ним в этакую глухомань, а если и заглядывал, то бросал пустые консервные банки и окурки, так какой смысл беречь себя в чистоте?

– Хочу кое-что тебе показать, – прервал молчание Егор. – Повернись, чтобы смотреть вперед. Уже подплываем.

Кира послушно перекинула ноги на другую сторону сиденья, села спиной к Егору. Еще лучше. Если повезет, один сильный удар – и темнота. Она даже не успеет пожалеть о том, какую глупость совершила.

Правда, несмотря на эту утешительную мысль, спокойный фатализм отчего-то не желал воцаряться у нее в душе, хотя совсем недавно она говорила себе, что готова к любому исходу – лишь бы не мучиться подозрениями. Страх впился ей в загривок, как будто хотел процарапать ей глаза на затылке. Не оглядывайся, не оглядывайся, говорила себе Кира. Если уж провоцировать человека, то на все сто процентов. Ведь намного легче занести руку, если жертва не смотрит тебе в лицо с испугом и укором, как затравленный зверек.

Конечно, Киру несколько смущала мысль, что она сама подталкивает Егора к решительным действиям. Может, он никогда и не осмелился бы что-то предпринять, если бы не созданные ею обстоятельства, вернулся бы с нею в Москву, и жила бы она с ним долго... вот только не очень счастливо, наверное. Все равно ожидала бы, что вот-вот что-то случится. Дергалась от каждого шороха. Оценивала бы каждый взгляд, каждую недомолвку – значат ли они что-нибудь? Нет-нет, если уж она за три дня почти свихнулась от беспокойства, то что же будет дальше?

На борт лодки, рядом с Кириной рукой, присела синяя стрекоза и застыла как неживая, сложив полупрозрачные крылышки. Изящная поделка стеклодува, забытая на завитках облезающей бледно-голубой краски... Если Егор сделает движение, стрекоза вспорхнет, невольно предупреждая об опасности – за одну секунду до удара. Достаточно, чтобы обернуться к Егору и увидеть его глаза. Остановится ли он?

Они обе ждали, Кира вместе со стрекозой. Ждали, ждали. Кира думала – как хорошо было бы сейчас наблюдать за Егором, любоваться тем, как запросто он управляется с тяжелыми веслами, ворочая их в расшатанных металлических уключинах; как он подается вперед, а потом откидывается назад всем корпусом; как заметно напрягаются мышцы пресса под серой хлопковой футболкой, между разметавшимися полами расстегнутой куртки-ветровки.

Пучеглазая стрекоза тоже, казалось, погрузилась в свои насекомьи грезы... И вдруг – как-то вся собралась и резко стартовала с места: крылышки замелькали так быстро, что как будто растворились, и стрекозье тельце взмыло в воздух само по себе. Раз – и нет его.

От неожиданности сердце гулко стукнуло в груди. Потом чуть тише. Один раз, другой, третий. Ничего. Кира не выдержала, обернулась – Егор как раз тоже обернулся через плечо, словно почувствовал, но только дернул подбородком: мол, давай смотри вперед, скоро уже.

Видимо, в отличие от Киры, стрекозе просто надоело бестолковое времяпрепровождение. У нее наверняка были важные дела – поинтереснее, чем работать сигнализацией для всяких приезжих девиц. Сами, барышня, следите, когда вас будут убивать.

Лодка почти впритык обогнула очередной мыс извилистого берега, вырулила из-за кустов ольхи, купающих в воде растопыренные ветви, – и перед Кирой вдруг открылся зеленый затон, весь в цветущих кувшинках. Она даже издала от удивления какой-то сдавленный звук – то ли «ох», то ли «ого», и Егор довольно засмеялся у нее за спиной: «Так и знал, что тебе понравится».

Лодка медленно вплывала в это чудо, весла путались в корнях водяных растений, и в конце концов Егор перестал грести, подтянул оба весла в лодку. Еще несколько метров она скользила по инерции, задевая круглые листья кувшинок, а потом замерла, мягко покачиваясь.

Вода здесь была насыщенного бутылочного цвета, тихая и глубокая, прозрачная настолько, что Кира видела стайку мальков, беспокойно и бестолково кружащую почти у самого борта лодки. Кажется, они были напуганы непредвиденным вторжением, но толком не знали, куда теперь податься. Кире показалось, что под кувшинками есть и другие серые тени: они, в отличие от глупой рыбьей мелочи, стояли неподвижно, в настороженном ожидании.

Егор пристроил весла понадежнее, неловко приподнялся, так что лодку чуть повело в сторону, и попытался передвинуться ближе к Кире.

– Перевернемся же! – пискнула Кира, отпатываясь.

– Тихо-тихо-тихо, – забормотал Егор. – Ну-ка не двигайся.

Кира послушно застыла, и правда – лодка перестала опасно крениться на бок. Все снова замерло, все затихло.

– Ну во-от, – протянул Егор, успокоительно поглаживая Киру между ключиц, так что она даже сквозь ветровку чувствовала, какая у него теплая ладонь. – А теперь...

Вдруг – громкий всплеск, почти как взрыв: что-то бухнулось в воду. Фыркание и вопли. На дальнем конце затона с поваленного дерева один за другим сигали в воду какие-то парни.

– Вот идиоты, – сказал Егор. – Купаться в такую холодищу, да еще в таком месте. Туристы, блин. Ногу сведет, запутаются в водорослях – кто вытаскивать будет?

Зачарованное одиночество было нарушено, и Егор, недовольно вздохнув, вернулся к веслам, плюхнулся на свою банку так, что лодка вновь заходила ходуном.

«Интересно, он сердится потому, что из-за этих дурачков переживает? Или потому, что они чему-то помешали?» – думала Кира, пока Егор разворачивал лодку, тихо чертыхаясь, когда весла задевали о подводные стебли кувшинок.

– А почему мы все время плывем вдоль берега, не выходим на середину?

– Течение потому что. Воронки. Я слышал – местные так говорят. Но если хочешь – рискнем, а?

Что бы Егор ни хотел сделать, вряд ли он предпримет еще одну попытку после того, как отчаянные купальщики столь бесцеремонно его прервали, – решила Кира, поэтому отрешенно кивнула.

Когда они выплыли почти на середину озера, стал виден пляжик, где поставили палатку туристы, – крошечный, всего несколько метров песка. Только для палатки и машины места и хватило.

– Вот ведь, приехали люди искать приключений на свою голову, – продолжал ворчать Егор.

«А мы чем лучше?» – устало подумала Кира, оглядывая водный простор в поисках обещанных воронок. Но воды озера были зеркально гладкими, даже без ряби от ветерка, лишь время от времени в стороне от лодки что-то всплескивало и расходились круги: Егор говорил, что это плотва, а может, и какая-то рыба покрупнее. На высоком берегу безмолвной стражей выстроились неподвижные сосны, привязанные песчаными обрывами к своим отражениям. Кира смотрела на эту красоту – и понимала, что ей все равно. Кругом была гармония, кругом была сказка, только не в ней самой.

Она думала: если ничего не случится, это принесет ей облегчение. Не-а. Ничего не вышло.

Ведь оставалась вероятность, что Егор упустил момент из-за вторжения шумных туристов – или просто не решился, не смог себя пересилить. Он же не плохой человек, в сущности. Не настолько плохой, чтобы убить кого-то и глазом не моргнуть, а потом жить с этим. Его, кажется, не особо мучили воспоминания о том, как он в свое время издевался над одноклассницей, но вполне возможно, что с точки зрения Егора это были обычные детские шалости – незачем их и вспоминать-то. С убийством все как-то более однозначно... Разве что для успокоения совести считать его в некотором смысле самообороной – гадалка же сказала, что это кикимора виновата во всех Егоровых неприятностях, значит, избавиться от маленькой твари – это единственный способ защититься, спасти свою жизнь от вторжения непонятной, сверхъестественной жути. Всегда можно найти себе оправдание, если очень захотеть.

Если бы Кира не контролировала себя постоянно, то вот уже в который раз схватилась бы за голову. Наверное, началась аллергическая реакция на мысли, разъедающие ее изнутри: хотелось запустить пальцы в волосы, раздрать ногтями кожу, выцарапать из черепной коробки всю ту гадость, которая там накопилась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.